

4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. - М.: Высш. шк., 1978.

5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике // Хрестоматия по истории русского языкознания. — М.: Высш. шк., 1973.

6. Гак В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. — 4.1. — М.: Изд-во Москов. пединститута иностр. яз. им.М.Тореза, 1971.

7. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. - Воронеж: Изд-во Ворон., ун-та, 1985.

8. Уфимцева А.А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слов // Слово в грамматике и словаре. М.: Наука, 1984.

9. Кузнецов А.М. Объективные знания об окружающем мире и их отражение в лексике и лексикографии // Слово в грамматике и словаре. - М.: Наука, 1984.

Наименования жилых построек и их частей в селе Городище Старооскольского района Белгородской области

*Шубина Н.Г.
СОФ БелГУ*

Россия, Старый Оскол, Белгородская область

Номинативная лексика, обеспечивающая бытовое общение людей, отражая многовековые традиции, дает исследователям историческую информацию о процессах миграции, контактах и взаимодействии между этническими группировками. Поэтому использование регионального языкового материала имеет огромное значение в школьном краеведении, в воспитательной работе с молодежью, и это не может не способствовать формированию национального сознания, что на сегодняшний день является одной из актуальных задач среднего и высшего образования.

Жизнь крестьянина во многом связана с домом и хозяйственными постройками. История русского крестьянского жилища составляет один из важнейших разделов истории материальной культуры. В лексике жилища нашла отражение не только бытовая, но и языковая жизнь населения того или иного края.

Диалектология уже в первый период своего возникновения была тесно связана с этнографией. Это обусловлено теми обстоятельствами, что наука о

говорах, как писал А.А. Шахматов, «ставит своим объектом изучение населения по признакам, представляемым его языком», что ставит этот язык в теснейшую связь с этнографией, стремящейся в своих конечных целях к такой характеристике населения в различных его разновидностях, но располагающей для этого «более широким полем наблюдений и привлекающей для этого признаки, порожденные материальной и духовной жизнью народа» (А.А. Шахматов. Великорусская диалектология (1919-1920 гг.) — СПбО Архива РАН, ф.134, оп.1, ед. хр. 273, л. 1 об.).

Диалектология, изучая жизнь местного говора, невольно окунается в море местных культурных реалий, наименования которых не могут не интересовать исследователя. Поиск ответов на вопросы диалектологической науки приводит ученого к необходимости точнее и полнее раскрыть семантику того или иного слова, в том числе слова, называющего специфически местную реалию, эквивалента которой нет ни в понятийной системе, ни в лексиконе литературного языка. Именно по этой причине, видимо, А.А. Шахматов подчеркивал, что диалектология, оказавшись «эмансипированной из области этнографии», в то же время осталась в этой области знаний «по самому своему существу» (Шахматов. Там же).

Наблюдения многих ученых показали, что нередко границы бытования тех или иных диалектных явлений (фонетических, словообразовательных, лексических) совпадает с границами тех или иных этнографических особенностей региона. Так, 12.02.1904 г. Н.Н. Дурново в письме к А.А. Шахматову (СПБО Архива РАН, ф.134, оп. 3, ед. хр. 488, л. 47 об.) сообщал о результатах своей поездки по Рузскому уезду: оказалось, что граница между -тъ и -ть в глаголах совпадает здесь с границей между постройками с двускатной и четырехскатной крышей. А.М. Селищев, описывая говор сс. Волово и Ливен, считал необходимым подчеркнуть, что «южная часть Ливенского у. представляет одно целое с Щигровским у. (Курской губ.) — одно целое... и в географическом, и этнографическом, и в диалектологическом отношении» (Селищев, 1968: 415).

В настоящее время комплекс жилых и хозяйственных построек говора с. Городище, отражая историю строительной культуры русского народа, сохраняет южнорусские традиции, в то же время пополняется новыми элементами. Все это в значительной мере обуславливает особенности системы наименований жилых построек, испытывающей также сильное воздействие современной русской этнокультуры и современного русского литературного языка.

Лингвистическим следствием исторических и миграционных процессов на Староосколье явилась, в первую очередь, система лексики, которая была связана с реалиями повседневного быта и труда людей.

Тематическая группа «Наименования жилых построек и их частей» в говоре с. Городище Старооскольского района Белгородской области, составляя часть лексической системы говора, входящего в лексическую систему межзональной группы Б южнорусского наречия, пережила и продолжает переживать судьбу, характерную для лексического состава названий межзональной группы в целом.

Данная тематическая группа включает в себя лексические элементы, указывающие на разные этапы и процессы, пройденные и протекавшие в рамках всего русского языка как части славянского языкового ландшафта — от индоевропейского языка через периоды общеславянского и древне-русского языка, через формирование, на основе объединения двух восточно-славянских наречий, собственно русского (“великорусского”) языка с его пестрым диалектным ландшафтом, отображающим этно-исторические процессы эволюции русского языка, его духовной и материальной культуры.

В говоре с. Городище представлены наименования, восходящие как к общеславянскому языку (*дам, двор, пол, печь, кут, лавка, верх*), так и к тюркским языкам (*чердак, чулан*).

Лексика жилых построек говора с. Городище как части русского языка и его южнорусского наречия связывает этот говор со многими другими русскими говорами, что обусловлено общностью развития отдельных говоров, а также историческим единством или близостью всех говоров русского языка в их основе и соотносится со всем языком в целом, в том числе с его литературной формой. Так, лексемы говора села Городище отмечаются диалектной лексикографией в курских, орловских, рязанских, брянских, смоленских, саратовских, пензенских, вологодских, архангельских, во многих сибирских и других говорах. При этом наиболее частые параллели прослеживаются в южнорусских, в наибольшей степени курско-орловских говорах: например, *комнátка* — «небольшое помещение в жилой камере за русской печью, отгороженное занавесом или мебелью» (СРНГ 14: 234; ДК СОФ БелГУ; СОГ 5: 127), *сúдница* — «часть жилой камеры, угол перед устьем русской печи, предназначенный для хранения кухонной утвари, посуды и приготовления пищи», *эсти* — «входное отверстие в виде арки в лицевой стене печи, чтобы ставить посуду на *под*, разжигать дрова», *опéчек* — «фундамент под русской печью» и др. (ДК СОФ БелГУ)..

Входя в состав межзональной группы Б, говор с. Городище включает в себя лексические элементы, сближающие его с другими говорами этой группы. Проведенные нами наблюдения над речью представителей других сел — сел говоров микрорегиона (Старооскольского района) — подтверждают это. Так, в говорах района нами отмечены такие общие слова и значения: *горница*

— «парадная чистая комната в доме» (села Городище, Сорокина, Крутое, Шаталовка), *двор* — «жилищно-хозяйственный крестьянский комплекс» (села Городище, Казачек, Федосеевка, Крутое, Шаталовка, хутора Петровский, Липяги), *комнѣтка* — «меньшая комната в доме» (села Городище, Знаменка, Казачек, Солдатское, Крутое, хутор Петровский), *загнѣтка* — «площадка перед топкой русской печи» (села Городище, Потудань, Сорокино, Верхнечуфичево) и др. В то же время отмечены и противопоставленные лексические диалектные различия в пределах говоров Старооскольского района (многозначное слово *двор*, известное в говоре села Городище в значениях «1. жилищно-хозяйственный комплекс; 2. открытое пространство между постройками крестьянского комплекса и забором; 3. «семья», противопоставляется слову *двор* в говоре с. Потудань, где оно используется лишь в значении «сарай для содержания скота» (как и в некоторых курских говорах); слово *пелена* в значении «край крыши», известное в с. Городище, противопоставляется слову *пелена* в говорах сел Потудань, Незнамово, где оно употребляется в значении «полотенце для украшения икон»; слово *угольник* в говоре с. Городище называет лишь полочку для икон, в говоре же с. Незнамово — любую треугольную полочку).

Одним из источников влияния на лексику говоров межзональной группы, в том числе говоров Старооскольского района, является украинский язык, носители которого активно заселяли территорию Белгородчины (Шубина, 2002) и принесли сюда, естественно, элементы своей материальной и духовной культуры, отразившиеся на местной речи, в том числе и на рассматриваемой нами тематической группе (например, наименования *хата*, *земь*, *комната*, *комнѣтка*, *доливка* и др.).

Обнаруживается сходство элементов традиционной культуры юга и севера России как частей единой национальной культуры и национального языка (*связь*, *двойник*, *устье*, *порог* и др.). В то же время строительство жилья относится к древнейшим проявлениям материальной культуры человека, зависящей от климата, растительности, характера строительного материала, сформировавшихся в сложных условиях взаимных этнокультурных влияний разных народов и традиций региональной культуры в пределах проживания одного народа. Поэтому системы строительной лексики севера и юга России заметно различаются и за многими словами обоих наречий русского языка стоят этнографические различия. Ср.: южнорусские *хата*, *саманная хата*, *земь* противопоставлены северным — *дому*, *избе*, *мосту* и др.

Говор села Городище, как и все русские говоры, испытал и продолжает испытывать сильное нивелирующее влияние общенародного, в том числе ли-

тературного, языка, что выразилось в устаревании одних слов и значений и появлении других (это обусловлено как собственно языковыми, так и культурно-историческими причинами: изменением строительного материала, влиянием строительной моды и пр.). Исследование говора с. Городище показало, что в течение XX века, особенно 2-й его половины, многие строительно-хозяйственные наименования, бытовавшие в говоре, стали либо архаизмами (*потолок* в значении «помещение между перекрытием и крышей», *светёлка* и др.), либо историзмами в связи с утратой реалий быта (*землянка, связь, двойник, закуток, зель* и пр.), на смену которым пришли новые наименования старых и новых артефактов (*зал, спальня, кухня, коридор* и др.). Подтверждаются наблюдения И. А. Осовецкого, писавшего о том, что утрата той или иной реалии в деревенском быту ведет к тому, что у слов, обозначающих такие реалии, круг бытования «неуклонно сужается, а сами слова постепенно выпадают из говора» (Осовецкий, 1964: 204).

Известное в науке положение о том, что в составе говора функционально не только объединяются, но и становятся равными по своей значимости элементы местные и общенародные и что последние, как правило, подвергаются диктату системы отношений в говоре, модифицирующей семантику общенародных слов, как правило, в сторону ее сужения, конкретизации, это положение ярко реализуется также в кругу наименований жилых построек и их частей говора села Городище и других старооскольских говоров. К словам такого типа мы относим здесь *дом, двор, усадьба* и др., характеризующиеся спецификацией их лексического значения. Естественно, утрата говором слов с семантикой такого рода под влиянием литературного языка протекает замедленно, поскольку местные и литературные слова семантически не тождественны. Так, в говоре села Городище *потолок* — «1. Верхнее внутреннее покрытие помещения. 2. Помещение между перекрытием и крышей в постройке с четырехскатной крышей, чердак», *чердак* же — «помещение между перекрытием и крышей в постройке с двускатной крышей, имеющей чердачные окна на фронтонах».

В связи с характером диалектной нормы, отличающейся большей свободой и большей вариантностью, отдельные элементы тематической группы характеризуются вариативностью разного структурного типа (морфемной, фономорфологической): *груба* — *грукба, загнет* — *загнета* — *загнетка, закут* — *закута, комната* — *комната* — *комнатка, печь* — *печка, подзагнета* — *подзагнетка, припечек* — *припёчек, пятистенка* — *пятистенок* и др.

Наблюдения показали также, что в кругу наименований жилых построек села Городище и близлежащих сел Староосколья активен процесс потери суф-

фиксальной морфемой -к- значения уменьшительности и превращения существительных с таким суффиксом в тождественные по своей номинативной семантике с соотносительными словами без этого суффикса (*загнета* — *загнетка*, *заслонь* — *заслонка*, *комната* — *комнатка*, *печура* — *печурка*, *груба* — *грубка*, *печь* — *печка* и под.). Этот процесс поддерживается номинациями, в которых непроизводная основа с суффиксом *к* вышла из употребления или вообще не была в употреблении (*временка*, *доливка*, *загрядка* и под.).

Лексика говоров, в целом более образная, чем лексика литературного языка, отображает различные яркие мотивировочные признаки, на основе которых создаются наименования разных реалий на разных территориях функционирования диалектного языка. В пределах лексики жилых построек говора с. Городище из 63 наименований 30 являются мотивированными (*двойник*, *пятистенка*, *спальня*, *крыльцо*, *припечик*, *подзагнета* и др.), имеют прозрачную внутреннюю форму, для них характерен прямой способ номинации, «когда мотивировочный признак выражен... корневой морфемой слова» (Блинова, 1972: 99); для 17 слов характерна историческая мотивация и опосредованный способ номинации, при котором мотивировочный признак обозначен ассоциативно (Блинова, 1972: 99) (*усадебка*, *поместье*, *кут*, *судница*, *комин*, *примостье* и др.).

В тематической группе «Наименования жилых построек и их частей» отмечается сосуществование нескольких наименований для одной и той же реалии. Это в некоторых случаях создает дублетность названия (*сени* — *сенцы*; *печь* — *печка*, *груба* — *грубка*, *плита* — *плитка*), которая характерна, в первую очередь, для пар однокоренных образований, где функционируют генетически производное и производящее. В других же случаях дублетность отсутствует, так как в синонимические отношения вступают слова, различающиеся своей семантикой: например, *лавка* «неподвижная широкая доска в жилой камере, плотно прикрепленная к стене и используемая для сидения и сна»; *скамейка* «широкая доска в жилой камере, используемая для сидения и сна»; *дом* «добротная жилая постройка большого размера с несколькими камерами в жилой части»; *хата* «старая, небольшая постройка»; *крыша* «все сооружение, покрывающее жилую постройку»; *верх* «стропила с уложенным на них кроющим материалом (соломой, железом и т.п.), — или имеющие разную хронологическую соотнесенность, как устаревшее и современное (*комнатка* — *спаленка*, *горница* — *зал*; *судница* — *кухня*).

В целом, судьба представленной тематической группы отражает все важнейшие черты системы местного говора на современном этапе развития данного говора.

Литература

1. Селищев А.М. Заметки по великорусской диалектологии // А.М. Селищев. Избранные труды. М., 1968.
2. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. В. 14. М.-Л., 1978. (Сокр. СРНГ).
3. Словарь орловских говоров / Под ред. Т.В. Бахваловой. В.5 Орел. 1992. (Сокр. СОГ).
4. Шубина Н.Г. История заселения Белгородских земель как фактор формирования местных говоров // Европейские языки: историография, теория, история, методика. Вып. 3. Елец, 2002.
5. Осовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. М., 1982.
6. Блинова О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика. 1971. Л., 1972.

Список сокращений:

ДК СОФ БелГУ — диалектологическая картотека Старооскольского филиала Белгородского государственного университета;

СПБО Архива РАН — Санкт-Петербургское отделение архива Российской академии наук.